

Е.Н. Наземцева

*Барнаульский государственный
педагогический университет*

**Активизация антисоветской деятельности
белой эмиграции в Синьцзяне
в 1927–1930 гг.**

Последняя треть и конец 1920-х гг. отмечены новым всплеском антисоветской деятельности русских эмигрантов, находящихся в Китае. Во многом это было следствием тех событий, которые происходили в отношениях между двумя государствами в этот период, а также в их внутренней политике¹.

Белоэмигрантские лидеры в Харбине, Шанхае, Тяньцзине и Синьцзяне объективно оценивали свои силы и поэтому рассчитывали на поддержку иностранных государств, как в тайной, так и в открытой борьбе с советской властью. Они также были сами готовы прийти на помощь тому государству, которое выступит против Советского Союза.

Активизация антисоветской деятельности белогвардейской эмиграции в Синьцзяне в последней трети 20-х гг. проявилась в различных формах. Во второй половине 20-х гг. в Синьцзяне существовало несколько организаций бывших белогвардейцев. В первую очередь — это остатки отряда атамана Дутова.

Наиболее спаянной организацией бывших дутовцев являлся «Офицерский союз», возглавляемый полковником П. Папенгутом. В 1926–1927 гг. члены союза занимались в основном лесным промыслом и охотой. Однако, несмотря на мирный характер своей деятельности, в организации была сохранена дисциплина и субординация. Большинство казаков и офицеров носило военную форму².

В ближайшее окружение Папенгута входили полковник Кузнецов, хорунжий Чернов, а также Яковлев, Красильников и др.³ Общая численность поддерживающих Папенгута в 1925 г. составляла 45 человек офицеров⁴. Союз поддерживал командующий Илийским округом Джен Шоу Ши, надеясь на помощь белогвардейцев в случае возможного обострения политической ситуации в округе⁵.

Группа Папенгута встречала поддержку и со стороны католической миссии в Суйдуне, при помощи которой члены союза, возможно, осуществляли связь с белогвардейскими организациями на Дальнем Востоке, а также получали «достоверные сведения» о международном и внутреннем положении СССР⁶.

Другая группа дутовцев во главе с бывшим начальником отряда полковником А. Ткачёвым первоначально в 1925 г. состояла из 35 человек. В неё входили офицеры И.В. Могутнов, Цветков, Федченко. После смерти Ткачёва (в 1926–1927 гг.) эту группу возглавил полковник И.В. Могутнов⁷. За обеими группами советскими властями было установлено постоянное наблюдение.

В Урумчи также довольно активно действовала группа монархистов-белогвардейцев. Одним из членов этой группы был капитан Бородин, в своё время занимавший видное место в отряде атамана Анненкова. По сведениям советского осведомителя, в конце 1925 – начале 1926 г. Бородин был командирован в Чугучак специально «для поддержания духа местной белогвардейщины»⁸.

Одной из самых активных в своей антисоветской деятельности групп белых эмигрантов провинции являлась группа, в состав которой входили бывший консул А.А. Дьяков, И.В. Глушков, Россов, Фадеев, С.В. Недачин⁹.

Довольно примечательной была личность С.В. Недачина. Окончив Институт восточных языков во Владивостоке, он до 1918 г. служил секретарём Российского консульства в Кульдже. В 1918 г. вследствие недоразумения с консулом Люба Недачин был уволен со службы и уехал в Омск. При правительстве адмирала А.В. Колчака поступил на службу в контрразведку. Спустя некоторое время вновь возвратился в Кульджу.

После окончания гражданской войны С.В. Недачин поступил на службу в китайскую разведку и сначала работал в Кульдже, затем был переведён в Урумчи, где получил должность начальника таможен-

ни, с одновременной задачей освещать деятельность советского консульства. Часто бывая в консульстве, он смог наладить связь с советским консулом Быстровым. По его просьбе Недачин подготовил доклад, в котором подробно охарактеризовал некоторые политико-экономические вопросы, касающиеся современного положения Синьцзяна. По данным советской разведки, он часто бывал на личной квартире Быстрова, где находились шифр и особо секретные документы¹⁰. В дальнейшем Недачин принял китайское гражданство, однако Быстров ходатайствует о восстановлении его в гражданстве СССР и даже о приёме на работу в НКВД. Однако, по мнению советского консула в Чугучаке Гавро, Недачин продолжал поддерживать связь с китайской разведкой¹¹.

Кроме того, с Недачиным был тесно связан некто В. Чернов, являвшийся одновременно личным секретарём Быстрова. Первоначально Чернов служил в китайской армии, затем, приехав в Урумчи, попал в доверие к Быстрову, которого тот устроил сначала в Казторг, а затем, по личному ходатайству Быстрова, Чернов был восстановлен в советском гражданстве и впоследствии выехал в СССР. Между тем консул Гавро считал Чернова «активным белогвардейским деятелем», связанным с белогвардейскими организациями в Синьцзяне, в частности, в Кульдже. По его мнению, именно Чернов являлся одним из организаторов благотворительных вечеров, целью которых являлись сборы в пользу белогвардейской организации «Оренбуржцев»¹².

Близкими к Генконсульству были эмигранты Б.В. Ахматов, Чельцов и Словатинский, также восстановленные в советском гражданстве по личному ходатайству Быстрова. Б.В. Ахматов был связан с китайской разведкой, ежедневно встречаясь в Чугучаке с её сотрудником — Бурханом и при его помощи тайно переправляя оружие также недавно восстановившемуся в советском гражданстве эмигранту Сидорову¹³.

Чельцов во время гражданской войны являлся бывшим начальником следственной комиссии при Степном корпусе в Семипалатинске. Словатинский был товарищем прокурора Семипалатинского окружного суда. Находясь в эмиграции в Синьцзяне, до поступления на работу в советскую организацию занимался спекуляцией. Однако по советским данным, он продолжал поддерживать связь с белогвардейскими организациями.

Кроме того, руководители этой группы — Фадеев и К.В. Гмыркин вели непосредственные торговые операции с Советским Союзом. В результате советские власти оказались в затруднительном положении: зная об их антисоветской деятельности, а также о том, что именно Гмыркин являлся одним из основных вдохновителей антисоветских акций, прекратить всякие отношения с указанными людьми было невозможно, так как с ними был уже заключён ряд сделок. Более того, Отдел Среднего Востока, принимая во внимание значение фирмы Гмыркина в Синьцзяне, считал «политически невыгодным» осложнять с ней отношения¹⁴.

Между тем, у советского консульства имелись сведения, согласно которым, группой Гмыркина были установлены связи с некоторыми лицами, проживающими непосредственно в СССР. Одним из них был Т.И. Жарков, в течение 1926 г. несколько раз, совершивший нелегальные поездки в Чугучак и Урумчи вместе со своей женой. Причём в Урумчи он встречался непосредственно с Дьяковым. Сын Жаркова, проживающий в Оренбурге, также несколько раз нелегально приезжал в Чугучак¹⁵.

В группу Дьякова — Гмыркина помимо указанных членов также входили: полковник К.Н. Бухарин, подпоручик Н.В. Станкевич, бывший городской голова г. Пржевальска — Ф.П. Миловский, прапорщик А.М. Ушков. Все вышеперечисленные во время гражданской войны входили в корпус генерала А.С. Бакича. Таким образом, оказавшись в эмиграции, они продолжили борьбу с советской властью.

Советские консулы отмечали, что к концу 1920-х гг. участились антисоветские акции, устраиваемые белогвардейцами. Причину этой активизации они видели в ухудшении международного положения СССР, разрыве отношений с Англией и других обстоятельствах. По их мнению, руководством к действиям эмигрантов послужило получение специальных указаний на этот счёт от одного из «идейных вдохновителей» белой эмиграции — великого князя Николая Николаевича¹⁶.

Как правило, акции носили весьма разнообразный характер: помимо нелегальной деятельности, стали довольно частыми открытые высказывания по адресу советской власти, а также в отношении тех эмигрантов, которые зарегистрировались в советском консульстве, усилилась антисоветская агитация.

Одними из тех, кто способствовал обострению ситуации, являлись бежавшие в Синьцзян раскулаченные крестьяне, распространявшие различные провокационные слухи об СССР. Более того, в связи с новой волной эмиграции в Синьцзян, на одной из частных встреч эмигрантов высказывалось мнение о возможности организации недовольными крестьянами восстания в Семиречье. Однако этот разговор не дошёл до детальных обсуждений и реализации.

Практически все группы белогвардейцев, действовавшие в Синьцзяне, были связаны с английской разведкой. В этот период Англия пыталась упрочить своё влияние в провинции и использовала для этого любые средства. По сведениям советских источников, «Англия опоясала бедный Синьцзян сетью своих агентов и шпионов во всех отраслях жизни провинции». Среди них — английский миссионер В.В. Этчес, служащий в фирме «Фауст», начальник почты — итальянец Э.А. Кавальери¹⁷.

Разумеется, русские эмигранты, особенно их военная часть, настроенная крайне антисоветски, активно использовались англичанами в своих интересах. Следует отметить, что белогвардейцы нередко сами обращались за помощью к представителям Англии, предлагая взамен свои услуги. В частности, ещё в 1920 г. генерал Рогачёв просил помощи «для борьбы с красными» у английского консула в Кульдже, обещая оказать своё содействие в упрочении влияния Англии в Синьцзяне. Однако в тот момент англичане отказались от такого тесного, но небезопасного сотрудничества¹⁸.

Кроме того, из допроса атамана Анненкова следует, что сразу после разгрома белогвардейцев и ухода их в Синьцзян, англичане начали вести работу по организации общекитайской организации белогвардейцев-эмигрантов, созданию из них отрядов для борьбы с советским влиянием¹⁹.

Во всех крупных городах провинции были организованы разведывательные резидентуры, с точно установленными платными резидентами и с большим штатом осведомителей, преимущественно из русских белогвардейцев. В обязанности резидентов входило наблюдение за деятельностью советских представителей, проведение разного рода антисоветских мероприятий, разведывательная работа. Связь резидентов с консулом поддерживалась при помощи почты²⁰.

Помимо нелегальной деятельности, имели место и открытые действия бывших белогвардейцев, направленные против советской власти и её представителей в провинции.

3 марта 1929 г. у ворот генерального консульства белогвардейцами была устроена демонстрация в связи со смертью одного из вождей белой эмиграции — великого князя Николая Николаевича. Демонстрация сопровождалась выкриками по адресу советской власти. Демонстрацией руководил бывший царский консул Дьяков. В ней также принимали участие К.И. Дубровский, М.В. Кузнецов, А.Д. Педашенко, А.И. Полещук, А.И. Проскуряков, Н.А. Ананьин и др. Демонстранты требовали открыть ворота консульства для того, чтобы войти в церковь, принадлежащую консульству, и отслужить панихиду по умершему. Требование демонстрантов было выполнено²¹.

Между тем, накануне, 27 февраля генеральным консульством было сделано предупреждение о недопустимости служб в церкви. Однако после совещания белогвардейцами было всё-таки решено устроить демонстрацию. В результате по этому поводу генеральное консульство СССР выразило официальный протест китайским властям. Однако, несмотря на это, никто из участников демонстрации так и не был привлечён к ответственности.

Иногда акции имели форму частных выступлений: 13 февраля 1927 г. бывший белогвардеец А. Кузнецов нанёс оскорбление представителю Всесоюзного акционерного общества «Шерсть» Злоказову, причём «громко произносил неприличные слова» по адресу Советского Союза и РККА. 24 мая 1928 г. тот же А. Кузнецов явился на территорию генерального консульства СССР в Урумчи и публично оскорбил одного из его сотрудников, в дополнение к этому, угрожая ему расправой²².

По мнению генерального консула, эти инциденты свидетельствовали о сознательных намерениях внести раздор между местными властями и представителями СССР. Консул также направил официальную просьбу генерал-губернатору Синьцзяна о необходимости высылки Кузнецова из Урумчи без права поселения в городах, являющихся местом пребывания консулов СССР²³.

Однако в дальнейшем акции продолжались: 22 сентября 1930 г. тремя белоэмигрантами во главе с П. Арстовым было совершено нападение на работника советского консульства А.Э. Германа и его жену.

По словам консула СССР в Чугучаке, в последнее время нападения подобного рода участились, никаких действий против их участников и организаторов со стороны китайских властей не последовало.

Тем не менее, несмотря на такое относительно лояльное отношение к выходкам белогвардейцев, местная китайская администрация всё же предпринимала некоторые действия, направленные против этого.

Например, во время конфликта на КВЖД и в связи с активизацией деятельности бывших белогвардейцев гражданский губернатор Синьцзяна запретил эмигрантам ношение каких-либо атрибутов и знаков отличия царской армии, организацию собраний; корреспонденция эмигрантов подвергалась строжайшей цензуре, за всеми более или менее заметными эмигрантами было установлено наблюдение.

В среде белогвардейской части русской эмиграции нередкими были размолвки, иногда доходящие до обычных потасовок. В частности, на одном из собраний монархически настроенной группы бывших белогвардейцев в Кашгаре произошёл скандал, а затем и драка всех присутствовавших²⁴.

Несмотря на запреты, собрания, как правило, тайные, постоянно проводились активистами белой эмиграции Синьцзяна. Безусловно, советские власти пытались противодействовать такой активной деятельности бывших белогвардейцев. Формы этого противодействия были различны: от мирных (политика амнистии, восстановление в советском гражданстве и т.д.) до весьма жёстких, вызывавших противоречия в самих советских ведомствах.

Примером последнего может служить эпизод с необходимостью оказания медицинской помощи нуждающимся в ней русским эмигрантам, которую они могли получить только в амбулатории советского консульства. По этому поводу советский консул сделал специальный запрос.

По мнению заведующего III Отделом НКВД В.М. Цукермана, отказ в медицинской помощи политические нецелесообразен, так как это, во-первых, может толкнуть белую эмиграцию (даже ту её часть, которая не отличается особенной враждебностью) на активизацию антисоветской деятельности, во-вторых, эта мера может способствовать сплочению эмиграции. Это было, естественно, не в интересах советских властей²⁵.

Иной взгляд был у ИНО ОГПУ, сотрудники которого полагали, что «на запрос Консула в Шара-Сумэ относительно возможного обслуживания имеющейся при Консульстве амбулатории белых необходимо дать отрицательный ответ»²⁶.

Работа советской разведки в Синьцзяне была одной из основных форм советского противодействия деятельности бывших белогвардейцев. Вообще, борьба с вооружённой белогвардейской эмиграцией, готовившей военное вторжение в СССР, являлась одной из главных задач ИНО ОГПУ в 20-е гг. Разведкой в Китае занималось полномочное представительство ИНО ОГПУ на Дальнем Востоке, находившееся в Чите. Именно оно засылало нелегальную агентуру в Маньчжурию и Китай. Большое значение придавалось Харбину. Через этот город шла разведывательная документация из центрального и южного Китая, Шанхая и Кантона, он служил как перевалочный центр при нелегальной переброске людей из Китая в СССР и обратно. Советская резидентура в Китае была сосредоточена в таких местах, как Пекин, Шанхай, Кантон, Тяньцзинь, Мукден, Харбин, Чанчунь и др.

Соответственно, ИНО ОГПУ имел свою резидентуру и в Синьцзяне. В 1927–1931 гг. генеральным консулом в Кашгаре был военный разведчик Борис Петрович Постников. В 1927–1929 гг. вице-консулом в Кашгаре был резидент ИНО ОГПУ М.М. Казас²⁷.

В 1930 г. консулом СССР в Чугучаке являлся Дедловский. Одной из задач его деятельности являлся сбор информации о положении белой эмиграции в Синьцзяне. Он должен был «следить за её настроениями и борьбой различных группировок, выяснять связи её с китадминистрацией и т. п.»²⁸.

Помимо ИНО ОГПУ собственную разведку в Синьцзяне имел и **Коминтерн**. На II Конгрессе Коминтерна в июле-августе 1920 г. был специально обсуждён национально-колониальный вопрос и в общем виде принят план действий Коминтерна на Востоке. После II Конгресса были созданы три региональных центра для «руководства революционным движением на Востоке» — в Баку, Ташкенте и Шанхае. Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкент), существовавшее с осени 1920 по осень 1921 г., имело два своих филиала по операциям в Северо-западном Китае (Джунгарии и Кашгарии) — в Андижане и Алма-Ате (тогда г. Верный). Исходя из принципов

Коминтерна о необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности, в структуре Туркбюро Коминтерна с самого начала проводилось строгое разделение. Так, закордонную работу вели конспиративные базы вдоль границы со странами Востока с помощью штатных инструкторов-нелегалов²⁹.

Некоторые русские эмигранты шли на сотрудничество с советской разведкой и выполняли секретную работу по сбору сведений о политико-экономическом состоянии провинции. Одним из них был Григорий Данилович Соловьёв, который «оказал большую помощь консульству в деле изучения края...»³⁰.

Тех же, кто либо отказывался сотрудничать, либо был известен как «активный белогвардеец», принимавший участие в антисоветской деятельности, тайно подвергали аресту и высылали на территорию СССР.

Благодаря активной работе своих агентов, советским властям были доподлинно известны следующие направления антисоветской деятельности: работа английских агентов, деятельность белой эмиграции, а также действия китайской администрации.

Кроме того, активно проводилась в жизнь директива Наркоминдела по разложению эмигрантской среды. В связи с чем, в 1930 г. консул СССР в Илийском округе Китаев констатировал, что «эмиграции, как сколько-нибудь компактной группы в Илийском Округе не существует в настоящее время»³¹.

Рост политических настроений у белогвардейцев Синьцзяна иногда выражался в действиях, смысл которых просто не соответствовал реальному положению вещей. В частности, в связи с некоторой напряжённостью в отношениях между правительством Синьцзяна и представителями советской власти, наметившейся к концу 1927 — началу 1928 г., белогвардейцы ожидали удаления последних из провинции. В связи с создавшимся положением они даже выбрали собственного консула в Кульдже.

Таким образом, активизация антисоветской деятельности белой эмиграции выражалась как в легальных, так и в нелегальных формах: устройстве различных акций, направленных против СССР и его политики, демонстраций, собраний, угрозах в адрес советских представителей в провинции, сотрудничестве с английской и китайской разведкой.

Довольно активной, разнообразной и весьма успешной была деятельность советской разведки, одной из основных задач которой продолжала оставаться работа по разложению эмиграции и блокировка действий наиболее активных её членов.

Примечания

- ¹ Подписание Китаем первого равноправного договора, которым стало Соглашение между СССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г., вызвало значительный политический резонанс внутри страны и за рубежом. Западные державы усилили давление на пекинское правительство. В 1925–1926 гг. в Китае была развёрнута широкая кампания, направленная на срыв начавшегося сотрудничества двух стран. Более того, опиравшийся на южно-маньчжурские гарнизоны Японии Чжан Цзолинь предпринял попытку вооружённого захвата КВЖД. Были и другие осложнения: в частности, противники советско-китайского сближения начали создавать версию об «исторических правах» Китая на многие земли советского Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. — Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. 2001. С. 18.
- ² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 10. Папка. 124. Д. 23. Л. 39.
- ³ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 844. Л. 339.
- ⁴ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 265.
- ⁵ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 10. Папка. 124. Д. 23. Л. 40. Поддерживали дутовцев и другие официальные лица провинции: уездный начальник Сяо Чан и начальник китайского гарнизона Фу Го Джан. — РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 266.
- ⁶ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 10. Папка. 124. Д. 23. Л. 40.
- ⁷ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 844. Л. 338.
- ⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 300. По сведениям консула СССР в Чугучаке и комендатуры ОГПУ в г. Бахты, цель приезда Бородина в Чугучак — организация террористических групп-троек для убийства ответственных советских работников. Однако сам консул относился к этому довольно скептически, отмечая, что

- «местная белогвардейщина совершенно выдохлась и по своей инициативе без финансовой и идейной поддержки какого либо центра совершенно не способна на активное выступление». — Там же. Л. 297.
- ⁹ Сотрудники царских консульств, разбросанные по разным городам Китая, также как и сотрудники дипломатической миссии в Пекине, вели разностороннюю антисоветскую деятельность. Ещё в период гражданской войны они собирали белогвардейских офицеров, а затем переправляли их через границу в армии Колчака, Семёнова, Врангеля. Известна роль князя Н.А. Кудашева, возглавлявшего царскую миссию в Пекине, который содействовал некоторым белогвардейцам. — Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 86.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 10. Папка. 124. Д. 23. Л. 26.
- ¹¹ Там же. Л. 3, 17.
- ¹² Там же. Л. 17. Кто входил в эту группу — неизвестно.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 9. Папка. 117. Д. 15. Л. 67.
- ¹⁵ Там же. Л. 62.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 9. Папка. 117. Д. 14. Л. 35.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 337.
- ¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 62. Оп. 2. Д. 880. Л. 39.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 13. Папка. 20. Д. 27. Л. 24–25.
- ²² АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 8. Папка. 11. Д. 23. Л. 12.
- ²³ Там же. Л. 13.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. Референтуры по Синьцзяну. Оп. 12. Папка. 124. Д. 9. Л. 44.
- ²⁵ Там же. Л. 29.
- ²⁶ Там же. Л. 38.
- ²⁷ Усов В. Указ. соч. С. 235.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 12. П. 124. Д. 9. Л. 34.
- ²⁹ Усов В. Указ. соч. С. 35.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. П. 117. Д. 15. Л. 123.
- ³¹ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 12. П. 124. Д. 9. Л. 7.